

О ПРОСТРАНСТВЕННОСТИ РУССКОГО БЫТИЙНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Чжан Цзуннань

Старший преподаватель, Хэйлунцзянский университет,
Китай, г. Харбин
lxplayer2003@mail.ru

ON THE SPATIALITY OF RUSSIAN EXISTENTIAL SENTENCES

Zhang Zongnan

Summary: Human cognition of the concept of existence is inseparable from the philosophical continuous system "space-time", and the spatiality of the Russian being sentence differs from the semantic category "spatiality" in the usual sense and cannot be studied on the basis of the traditional theory of syntax. This article examines the spatiality of the Russian being sentence from the point of view of two aspects: structural and grammatical semantics and localizer. The spatial characteristics of a Russian existential sentence are usually the topic in the communicative structure of the sentence, which is known information, and the name of the existing subject in the sentence is rhema. Russian Russian existential sentence, however, from the perspective of perspective, it can be concluded that the spatial nature of the Russian existential sentence is an essential feature of this type of sentence, it is also an essential feature of the unique way Russians perceive the relationship of being and possessiveness.

Keywords: existential sentence, spatiality, perspective, structural and semantic analysis.

Аннотация: Человеческое познание концепции существования неотделимо от философской непрерывной системы "пространство-время", а пространственность русского бытийного предложения отличаются от семантической категории "пространственность" в обычном смысле и не может быть изучена на основе традиционной теории синтаксиса. В данной статье рассматривается пространственность русского бытийного предложения с точки зрения двух аспектов: структурно-грамматической семантики и локализатора. Пространственными характеристиками русского бытийного предложения обычно является тема в коммуникативной структуре предложения, которая представляет собой известную информацию, а имя бытующего предмета в предложении является рема. Однако, с точки зрения перспективы, можно сделать вывод, что пространственная природа русского бытийного предложения является существенной особенностью этого типа предложения, это и существенная особенность уникального способа восприятия русскими отношений бытийности и посессивности.

Ключевые слова: бытийное предложение, пространственность, перспектива, структурно-семантический анализ.

Русское бытийное предложение является базовым, но чрезвычайно важным типом предложений. Оно обладает сильным семантическим потенциалом, отличительной семантической структурой и выдающимися когнитивно-функциональными характеристиками. Оно занимают центральное положение в русском языке. Следовательно, их частота употребления соответственно высока. Русское бытийное предложение очень активно в языке, и его семантические функции также очень уникальны, поэтому оно всегда остаётся горячей темой при изучении теории семантики предложений.

Многие известные российские лингвисты и исследователи проявляли интерес к изучению бытийных предложений (см. работы таких ученых, как А.М. Пешковский, Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, А.В. Бондарко, Е.В. Падучева) [1-3, 5-7]. Вопросы, которые волнуют ученых, сосредоточены на синтаксическом статусе экзистенциальных предложений и их структурном анализе, синтаксическом статусе именных предложений, взаимосвязи между именными предложениями и бытийными предложениями, семантических проблемах бытийных глаголов быть и структурно-семантических аспектах отрицательных бытийных предложений, генитивных

глаголах, бытийности и посессивности с точки зрения функциональной семантики и т.д.

В этой статье мы сосредоточимся на общих семантических характеристиках русского бытийного предложения и обсудим пространственность русского бытийного предложения в целом и пространственные характеристики локализатора. Отмечается, что пространственность является существенной характеристикой русского бытийного предложения, и это отправная точка восприятия русского народа на взаимосвязь отношение "пространство-вещь".

1. Структурно-семантические характеристики бытийных предложений

Русские бытийные предложения являются результатом классификации моделей русских предложений с логико-семантической точки зрения. Они участвуют в построении логико-семантической взаимосвязи структуры дискурса, формируют полную семантическую цепочку "событие-описание" с несуществующими шаблонами предложений в единице лингвистической структуры повествования и совместно выполняет

функции передачи информации и представления событий при организации дискурса и построении высказывания. По мысли Н.Д. Арутюновой, бытийное предложение является предустановкой описательного предложения. Очевидно, что, прежде чем что-либо описывать, данная вещь сначала должна существовать, даже если это существование абстрактных понятий в человеческом мозге [2, с. 32].

Русское бытийное предложение используется для сообщения о существовании определенной вещи, явления или события в определенном месте, описания внешних пространственных характеристик и способов существования людей и вещей, а также природной среды и окружающего состояния и т.д., а также может сообщать о связанных бытийных событиях, которые происходят в природе и человеческой жизни с точки зрения пространства-вещи и наблюдений людьми.

1. Есть добро и зло.
2. *За рекой* есть леса.
3. *У него* дочь.
4. *В его суждениях* есть рациональное зерно.
5. *В нашем лесу* водятся стаи волков.
6. *На справке* стоит круглая печать.
7. *На улице* идёт снег.

Вышеупомянутые предложения о существовании имеют схожую грамматическую структуру, сообщая о людях или вещах, которые существуют в определенном пространстве, или о событиях, которые происходят. Классическая структура русского бытийного предложения состоит из трех частей: локализатор (обстоятельства места), бытийный глагол и имя бытующего предмета. Среди них «имя бытующего предмета» является необходимой частью бытийного предложения, поскольку обычно считается, что «имя бытующего предмета» — это рема предложения, для чего предложение сообщает о событии. Традиционно предложениями только с именем бытующего предмета называются предложение, составляющее из одного слова или номинативные предложения, которые в основном используются в литературных произведениях для описания конкретной среды. В этой статье не обсуждается этот тип предложений с бытийным значением. Семантическое ограничение экзистенциального предложения на «имя бытующего предмета» чрезвычайно невелико. Вообще говоря, пока его объем меньше объема локализатора или его существование в определенном пространстве логично, «имя бытующего предмета» может быть существительным для обозначения конкретных вещей, таких как в примере (2), живым человеком или животным, такое как в примере (3) (5), может быть абстрактным понятием, такое как в примере (4), может быть событийным существительным, такое как в примере (7). Эти существительные часто не имеют референта.

Локализатор — это отправная точка сообщения о событиях в бытийном предложении, ТЕМА предложения и выражает определенную пространственную концепцию. Такого рода пространственным понятием может быть конкретное пространственное местоположение, традиционно называемое местом наречия (например, *за рекою*, *в лесу*, *на справке*), это также может быть определенный человек (в примере (3)), это также может быть определенный вид воображаемого пространства, этот вид пространства может быть понято как память об определенных абстрактных понятиях, то есть конструктивное когнитивно-психологическое пространство, содержащее абстрактные вещи и понятия.

2. Пространственность русских бытийных предложений

Ключевым моментом в структуре бытийного предложения является указание на взаимосвязь между вещами и пространством, в котором они расположены, поэтому «пространственность» важна для бытийного предложения. «Пространственность является существенной чертой уникального способа познания посессивности и бытийности русского народа» [8, с. 76]. Компоненты, отражающие характеристики «пространственности», соответственно, стали ключевыми элементами русского бытийного предложения и имеют особое значение в конструкции бытийного предложения русского языка. Различные грамматические заполнители и проявления пространственных компонентов в предложениях могут образовывать различные грамматические структуры. Различные структуры отражают различные отправные точки дискурса говорящего, и логические и семантические отношения, выраженные в предложениях, также различны. Таким образом, различие в характеристиках пространственной структуры стало важным отличительным параметром между бытийными предложениями и небытийными предложениями. Лексический состав бытийных предложений и небытийных предложений может быть одинаковым, но будут семантические различия из-за пространственных характеристик и различных точек зрения на соответствующий дискурс, что подчеркивает уникальные пространственные отношения и структурные характеристики русских бытийных предложений. Ниже этот вопрос анализируется с двух сторон.

2.1 Пространственный характер тематической перспективы

В. Б. Борщев, Б. Х. Парти структурно резюмирует предложение о существовании следующим образом: Бытие вещи в месте и Перспектива [4, с. 69], в том числе человеческая перспектива — это новое содержание и точка наблюдения, которая отличается от традиционного понимания экзистенциальных предложений, и она привносит новое мышление в понимание экзистен-

циальных предложений. Оба ученых создали метафору изображения: камера может сфокусироваться на определенном персонаже (вещь) на сцене (место), или она может сфокусироваться и расположиться в определенном сценическом пространстве (место), чтобы рассказать о персонаже (вещь), тем самым формируя различное содержание отношений сообщений и соответствующий различный тип предложения в языке - описательное предложение и бытийное предложение. В этом случае бытийное предложение и другие близкие к нему типы предложений (описательные предложения) содержат компоненты «вещь» и «место», когда сообщают о событии. Тематическая перспектива бытийного предложения (перспектива) — это местоположение, сообщающее о существовании или несуществовании чего-либо в этом месте; и тематический фокус описательного предложения, близкого к бытийному предложению, - это вещь, а то, о чем сообщается, — это состояние вещи в определенном пространстве.

1. Телебашня находится в центре города.
2. В центре города находится телебашня.

Наполнения слов двух приведенных выше предложений одинаковы, и все они выражают сходные бытийные значения, но используемая грамматическая структура и тематическая перспектива различны. Пример (8) — это субъектно-предикативное предложение (локальное предложение), телебашня — это тема, в центре города — это рема, отвечающий на вопрос: где находится телебашня? “Телебашня” имеет референции. Оно имеет как концептуальное, так и референциальное значения (эта телебашня расположена в центре города). Оно знакомо говорящему. Глагол находится — это глагол с недостаточной информацией, который означает “расположенный, находящийся в каком месте”. Можно видеть, что субъектно-предикативное (локальное предложение) описывает “что-то находится в определенном месте”, а тематическая перспектива касается “чего-то”; бытийное предложение фокусируется на утверждении “Что-то находится в определенном месте”, а тематическая перспектива сосредоточена на “пространственном” ключевом элементе “определенное место”.

Далее, при выражении значения “...не существует” пространственные характеристики тематической перспективы также имеют сходные проявления. Например:

3. а. Я искал Сашу. Он не был на лекции.
б. Я искал Сашу. Его не было на лекции.
4. а. Мороз не чувствовался.
б. Мороза не чувствовалось.

Оба предложения в примере (10) означают “Саша не пошел на урок”, но перспектива рассматривается с другой точки зрения. Пример (10а) фокусируется на людях, и отвечая на вопросы: Что Саша сделал? Что было с Сашей?

Пример (10b) фокусируется на “пространстве”, которое показывает, есть или не есть кто-то в пространстве перспективы, отвечая на вопрос: Кого не было на лекции? Пример (11а) не отрицает существование сильного холода, это лишь означает, что по какой-то причине (например, все носят плотную одежду) люди не чувствуют существования сильного холода. Пример (10b) заключается в отрицании существования сильного холода в окружающем пространстве - “пространство” здесь относится к окружающему пространству (вокруг) и обобщенному пространству в перспективе, где «не чувствовалось» эквивалентно «не было». Благодаря сравнительному анализу предложений в примере (8)-примере (11) нетрудно увидеть, что перспектива структуры русского бытийного предложения является “пространственной” и представляет собой уникальное тематическое перспективное пространство.

2.2 Пространственная природа локализатора

Локализаторы в русском бытийном предложении можно разделить на: собственный локализатор и квазилокализатор [2, с. 14]. К собственному локализатору относятся: 1) пространственный локализатор, который может выражать конкретное пространственное местоположение. Этот вид локализатора традиционно называется наречием места. Такие, как *в мире, в комнате, на скамейке, здесь* и так далее. 2) личностный локализатор, указывающий на определенного человека, на существование которого указывает (в ком-то, среди каких-то людей). Существуют различия в описании у-локализатор в существующей грамматической системе: в системе вторичных компонентов предложения она обычно определяется как дополнение, а в работах, посвященных концепции модели, она описывается как особая структура с территориальными отношениями, в то время как у кого (чье-то место) структура определяется как владелица и обладательница (вещей). Напротив, квазилокализатор не имеет значения места в обычном понимании, но представляет собой определенное образное пространство. Это пространство может быть понято как память (вместилище) определенных абстрактных концепций, то есть когнитивно-психологическое пространство, которое вмещает абстрактные вещи и понятия, такие как: *в его словах, в этой теории* и так далее.

Несмотря на различия в лексической семантике, собственный локализатор и квазилокализатор могут быть отнесены к одной и той же категории, поскольку они выполняют одни и те же грамматические функции в бытийных предложениях и оба отражают определенные “пространственные” характеристики. Объективный мир обрабатывается человеческим мозгом для формирования эмпирического мира, и должно существовать определенное соответствие между различными “событиями”, происходящими в эмпирическом мире, и

пространственно-временной осью. Предпосылкой для распознавания этих “событий” является человеческое познание времени и пространства и определение взаимосвязи между временем и пространством. “«Событие» имеет пространственно-временную природу, и в экзистенциальной пропозиции сочетание времени и пространства в основном достигается с помощью бытийного глагола” [8, с. 79]. Для пространственного локализатора и квазилокализатора “пространственность” самоочевидна и свойственно, в то время как для более специального личностного локализатора “у кого-то” в русском языке содержащаяся в нем “пространственность” отражает уникальный взгляд русской нации на индивидуальное познание. Человек, владеющий определенной вещью или событием, или человек, связанный с этой вещью или событием, рассматривается как особая пространственная ориентация. Это ясно отражает признание пространственной ориентации значения территории, выраженного в русском национальном языковом сознании, и, соответственно, русские понимают существование различных вещей в эмпирическом мире и связанные с ними объекты как определенный вид психологического “пространства”. Как только “человек” рассматривается как определенное пространство для конкретных вещей, которые принадлежат кому-то в определенной временной области, структура предложения о существовании может быть использована в русском языке для выражения отношения принадлежности (бытийно-посессивное отношение): *У него есть мама. Для абстрактных понятий “человек” все еще может рассматриваться как пространство (своего рода контейнер), которое вмещает существование вещей, или так называемый “человеческий микромир”. Например: у него хорошая идея. Даже «люди» и связанные с ними абстрактные концептуальные структуры могут*

стать своего рода пространственными объектами. Например: В его словах фальшь. (Его слова полны обмана) Как отмечала Н.Д. Арутюнова, русский язык относится к языку бытия (be-language) [3, с. 790].

Таким образом, в данной статье в основном анализируются и обсуждаются русские бытийные предложения с точки зрения **перспективы**, пространственных характеристик, структурных характеристик, семантического описания и т.д. Анализ показывает, что русское бытийное предложение — это своего рода модель предложения с уникальными семантическими функциями и структурными характеристиками. Исследование этого не может ограничиваться традиционными взглядами и методами, но должно включать точку зрения наблюдателя и когнитивные факторы “людей”, чтобы провести всесторонний анализ и исследование этого, полностью учитывать структурно-семантическую взаимосвязь и функциональную взаимосвязь между различными составляющими элементами бытийного предложения и в целом понимать его языковые характеристики. Анализ, проведенный в этой статье, показывает внутреннюю связь и форму действия между семантическими типами русских бытийных предложений и их групповым составом. Это углубляет наше понимание характеристик структурного состава бытийных предложений и ассоциации семантических компонентов, семантической структуры и семантической подкатегоризации, а также формирует более целостное понимание лингвистического процесса. В то же время, это также создает модель многостороннего анализа русских бытийных предложений и привносит новые открытия в изучение русских бытийных предложений с точки зрения перспективы, пространственно-временных характеристик и т.д., что помогает углубиться в понимании теории бытийных предложений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола быть) // Апресян Ю.Д. Избранные труды М., 1995. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение. Бытийный тип: структура и значение [М]. М.: Русский язык, 1983. 198 с.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [М]. М.: Языки русской культуры, 1998. 739 с.
4. Борщев В.Б., Парти Б.Х. О семантике бытийных предложений [С] // Семиотика и информатика. Вып. 37. М.: Русские словари, 2002: 59–77.
5. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб.: “Наука”, 1996. 229 с.
6. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики [М]. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.
7. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении [М]. М.: Прогресс, 1956. 386 с.
8. Ван Дунсюэ О пространственном исполнении статичных экзистенциальных предложений в русском языке // Журнал Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая 2020. (5): 76–83.
9. Ван Дунсюэ, Ван Вэньбинь Сравнительное исследование пространственно-временной репрезентации экзистенциальных предложений в китайском, английском и русском языках // Иностранные языки 2019. (1): 63–69.

© Чжан Цзуннань (lxplayer2003@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»